

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ХРИСТИАНСКОЙ МИССИИ СРЕДИ АБОРИГЕННЫХ НАРОДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Обращается внимание на сложности, с которыми сталкивается исследователь в рамках современной российской историографии при обращении к изучению вопросов православной миссии среди коренных народов Сибири. В поисках решения этих задач рассматриваются работы современных зарубежных исследователей, как общетеоретического характера, так и касающиеся вопросов православной миссии в Российской империи.

Ключевые слова: христианство; религиозное обращение; коренные народы; православные миссии; Сибирь; зарубежная историография; XIX в.

В начале 1990-х гг. открылись возможности введения в научный оборот богатых этнографических нарративов миссионерского наследия. Однако бума не произошло. С одной стороны, это объяснимо техническими причинами. Серьезное изучение миссионерских работ требует привлечения материалов, разбросанных по множеству центральных и региональных архивов, библиотек, что трудно осуществить вне исследовательской программы научной организации. С другой стороны, марксистская методология, не оказывая внешнего давления, продолжает сохранять свое влияние в качестве когнитивного ядра, тем самым ограничивая круг рассматриваемых проблем миссионерской деятельности.

Обращаясь к изучению проблематики истории православной миссии в Сибири, сталкиваешься с аксиомами из наследия советской историографической традиции: это отождествление государственной политики и миссионерской деятельности Русской православной церкви, отождествление этнической самобытности и традиционного религиозного сознания. Обе эти аксиомы возникли в дореволюционный период научной историографии и окончательно прописались в советской, соответствуя кругу вопросов, обозначенных марксистской методологией, а в настоящее время – и российской науке, что также связано с участием ученых-этнографов в национальном возрождении коренных народов Севера. Вместе с тем марксистская методология рассчитана на анализ макросоциально-экономических процессов, в рамках которых изучение этнографических нарративов сводимо к их интеграции в общероссийские научные инициативы (например Русского географического общества). При таком подходе исследователи противопоставляют научную и миссионерскую деятельность [1, 2].

Проблема, однако, заключается в том, что при всей разноплановости сибирских миссионерских нарративов в случае с работами по народам Среднего и Нижнего Приобья этот подход вступает в противоречие с их содержанием, которое отражает более сложную реальность, чем позволяет рассмотреть марксистская методология, тем самым оставляя в стороне индивидуальный уровень восприятия христианства, глубоко психологические методы миссии второй половины XIX в., учитывавшие повседневный круг жизни.

В 1970-е гг. на волне создания советской социальной истории этнографы актуализировали проблему изменений религиозного сознания коренных народов Сибири и Севера под влиянием христианства и ламанизма, обратив внимание на «пестроту в религиозных

представлениях даже одной и той же группы» [3. С. 9]. Они привлекли к изучению проблемы достижения современной психологии – как инструмент интерпретации методов миссионеров [4. С. 79, 81]. Однако такая постановка проблемы, как и обозначенный подход, не получили развития в российской историографии. Между тем актуализация в научном дискурсе, поднятая российскими этнографами, была международной тенденцией. В 1988 г. на конференции «Обращение в мировые религии: исторические и этнографические интерпретации»¹ развернулась междисциплинарная дискуссия, апеллировавшая к богословам, религиоведам, социологам, историкам, антропологам [5. С. VII]. Диалог ученых ведущих англо-американских университетов был отражен в сборнике «Обращение в христианство: историческая и антропологическая перспектива великой перемены» [5]. Статья редактора сборника Р. Хефнера (R. Hefner) [6] стала программной в методологическом плане для ряда современных зарубежных исследователей [7. С. 100, 101; 8. С. 2]. Этот диалог примечателен. В отличие от России зарубежный академический дискурс включает, во-первых, теологические школы и университеты, во-вторых, массовые научные исследования в сфере религий, в том числе изучение современных процессов обращений, миссионерской деятельности различных конфессий в странах третьего мира [6. С. 3; 8].

Это обстоятельство обеспечивает связь практики с ее теоретическим осмыслением, миссиологическую обоснованность научных исследований: к 1980-м гг. было накоплено достаточно научных работ, свидетельствовавших о многообразных культурных формах восприятия христианства, что стало вызовом для католической традиции: «вопреки сущностным характеристикам своего значения, христианство показало замечательную способность принимать разные культурные оттенки в местных условиях»² [6. С. 5], особенно в условиях столкновения с распространением других христианских конфессий, ислама.

Необходимо подчеркнуть, что речь идет о научном подходе к изучению религиозных обращений, построенном на широком сопоставлении, обеспеченном обратной связью с практикой исследований на всех континентах, а не на конфессиональном подходе. Сопоставление исследований христианских миссий различных конфессий позволяет выявить влияние того или иного конфессионального подхода [7. С. 109].

Зарубежные исследователи отмечают ключевое значение миссии в столкновении аборигенных сооб-

ществ с современностью [7. С. 100, 101]. В условиях, когда европейская цивилизация с ее христианскими корнями сама оказалась перед вызовом современности, а именно в условиях изменений, обусловленных переходом от индустриальных технологий к информационным, радикально повлиявшим на «формирование гомеостатической системы обычаев и норм в современном мире» [9], закономерным было появление вопроса о соотношении христианства и цивилизации, религиозного обращения и христианизации.

Р. Хефнер пишет о двойственном характере обращения. С одной стороны, оно означает принятие христианства, с другой – включение новообращенных «в более широкий социальный порядок» цивилизованного мира, что несет «не только технологические и политические трансформации традиционного образа жизни», но также «далеко идущие адаптации религиозной системы, идентичности и социальной этики» [6. С. 3]. Для того чтобы определить, что относится к сфере религии, а что к христианизации, под которой подразумевается «переформулирование социальных отношений и культурных значений и личного опыта в терминах предположительно христианских идеалов»³ [Там же. С. 3, 4], Р. Хефнер предлагает рассматривать христианство как одну из мировых религий. Ключевой особенностью мировых религий автор называет способность к воспроизведению (трансляции) в разных культурах и разных эпохах: «... <политические> империи и экономические системы приходят и уходят, мировые религии остаются... Важным вопросом является почему... так происходит: это – вызов нашему пониманию “традиционных” и “мировых” религий... который заставляет нас размышлять над тем, как народ обращается из одной формы религии в другую и показывает, насколько глубоко религиозные изменения вовлечены в процесс становления современного мира» [6. С. 3]. Данный подход напоминает о необходимости сопоставлять деятельность миссий разных конфессий в том или ином регионе.

Возвращение к пониманию христианства как мировой религии означает отказ от отождествления христианства с европейской культурой, социальным порядком (евроцентризм) и от мифа о «монохромности примитивного». Из чего следует отказ от бинарной упрощенной модели категорий мировых и традиционных религий, обусловленных «мнимой рациональностью современного мира» и «иррациональным традиционализмом доиндустриальных обществ» [6. С. 4]. Таким образом, в целом речь идет о пересмотре односложных «линейных моделей религиозной эволюции и обусловленной ими теории обращения» [6. С. 7], которая продолжает оставаться основой для аналитических построений в российской историографии. Столкновение с многообразием в формах выражения церковной жизни, обусловленным культурными особенностями того или иного народа, привело к постановке вопроса о необходимости привлечения междисциплинарного подхода, отказу фокусировать внимание преимущественно на индивидуальном опыте обращения и сфере психологии под влиянием католического акцента на личном спасении. Многообразие форм обращения

представляется как результат широкого взаимодействия идентичности, политики, морали. Само обращение рассматривается как присоединение новых дополнительных идентичностей [7. С. 100].

Применение междисциплинарного подхода как наиболее соответствующего психологической, социальной, культурной, исторической сложности явления (речь идет об изучении социокультурного измерения) подразумевает рассмотрение обращения во взаимодействии индивидуальных и социальных процессов [6. С. 4]. Этот подход актуализирует ряд вопросов в сферах антропологии и социальных наук. Кросс-культурное изучение христианства как мировой религии актуализирует вопросы сопоставления многообразных форм обращений, разницы в мотивах принятия веры (от религиозных до прагматических, обусловленных удовлетворением потребностей «здесь и сейчас»), степени обращения народа; сравнительного изучения христианства в диахронной перспективе, влияния исторического развития христианства на формирование современного мира, универсальных характеристик в развитии религии, этики и власти среди культур, объединенных обращением в ту или иную мировую религию. Одним из важных направлений исследований является сопоставление мировых и традиционных религий с учетом разнообразия форм религиозных верований, которые входят в семью так называемых «традиционных» религий. В качестве наиболее очевидного различия Р. Хефнер называет способность только нескольких религий к трансляции во времени и пространстве [Там же].

При изучении миссионерства в рамках социальных наук этот подход предполагает отказ от отождествления религиозного учения и социальной организации. Оно включает такие темы, как исследование природы мировых религий и источника их социальной власти, способности этих религий включать народы с собственным устоявшимся образом жизни в цивилизованный социальный порядок, а также рассмотрение этой способности как функции, обусловленной связью мировых религий с имперской или авторитарной властью, роли «колонизации сознания». Р. Хефнер также задает вопрос, представляющий интерес с точки зрения изучения аборигенных народов Сибири: «воплощают ли христианство и другие мировые религии культурную логику, уникально адаптированную к вызовам цивилизованного макрокосма?» [6. С. 5]. Со времени конференции количество исследований, авторы которых обращались к этим вопросам в самых разных частях мира, значительно возросло. Слова антрополога С. Каплана (S. Kaplan), сказанные относительно Эфиопии, можно отнести к большинству из них: «...на самом деле в основе практически всех исследований по обращению лежит многообразие сопоставлений» [7. С. 99]. Однако каждый регион раскрывает свой спектр исследовательской проблематики.

Авторы сборника «Религии и империи: миссии, обращение и терпимость в царской России» рассматривают проблемы религиозного обращения в Российской империи [9]. В качестве ключевой особенности миссии исследователи отмечают исключительную вовлеченность государства в духовные дела, которую они обу-

словливают географическим и административным включением территорий с аборигенными народами в состав государства и их равноправным статусом в качестве объектов государственной политики (включая религиозную). Это обстоятельство обусловило уникальность миссионерского поля деятельности [9. С. 3].

Вместе с тем в целях объективности исследования редакторы сборника оспаривают «все еще традиционное ошибочное допущение, что Русская Православная Церковь была только одним из многих учреждений под государственным управлением и не имела независимости или инициативы» [9. С. 4]. К дискуссии привлекаются работы таких зарубежных исследователей, как Г. Фриз (G. Freeze), П. Уолдрон (P. Waldron) [11, 12].

Специалист по русской церковной истории Г. Фриз аргументирует, что «хотя процесс <церковных реформ Петра I> условно описывается как “секуляризация церкви”, более подходящим будет назвать его “спиритуализацией”, систематическим и осознанным исключением церкви из светских вопросов и ограничением строго “духовными” делами». Сохранение структурной раздельности церкви как особой «церковной» области при сокращении политического влияния означало главным образом, с точки зрения автора, монополию в сфере деятельности, в которую входили литургия, миссии, образование и религиозная мысль, духовные дела православных граждан [9. С. 4; 10. С. 89, 90].

П. Уолдрон дополнительно включает религии меньшинств, назвав «треугольником» взаимоотношения между православной церковью, русским государством и религиями меньшинств [9. С. 5, 6; 12]. Подход исследователя потенциально позволяет дифференцировать использование государством миссии в качестве одной из стратегий политической и социокультурной интеграции империи, причем не самой приоритетной, и самостоятельную миссионерскую деятельность Русской православной церкви [9. С. 6, 7].

Эта модель также обращает внимание на необходимость отслеживания процессов взаимодействия на уровне религиозных меньшинств – как наименее изученных. В условиях Российской империи, где религиозная идентичность, по мнению редакторов сборника, тесно переплеталась с другими идентичностями, подобное изучение открывает возможность понимания механизмов трансформаций религиозных сообществ.

Они отмечают, что в поликонфессиональных сообществах действуют как центростремительные, так и центробежные силы. С одной стороны, «гений <мировых религий> лежит в их необычайной способности отвергать этот мир и возвещать о другом, более несокрушимом и истинном», принятие той или иной мировой религии перемещает «объединения, разобщенные по языку, традиции и региону в пределы большего сообщества...» [9. С. 2, 7]. С другой стороны, каждая из них притязает на абсолютную истину, что становится источником межрелигиозной розни. В результате столкновений мировых религий в Российской империи появилась историческая ассоциация каждой из них «с определенным кругом языков, традиций и регионов» [9. С. 2]. Однако не означает ли это, что в этом случае в рамках Российской империи православие сводится к русской религии, а обращение в него – пре-

вращается в русификацию, ислам – к татарской религии и обращение в него – к отатариванию?

Как пишут редакторы, столкновения становились источником институциональных, социальных, «и даже доктринальных» адаптаций, которые были наибольшим вызовом для аборигенных народов с их традиционными системами верований, которые в первую очередь являлись целью обращения в мировые религии [9. С. 2]. Кроме того, «несмотря на сомнительную эффективность попыток обращения, русские усилили выстроить религиозное единство империи часто оказывали глубокое влияние на подданные народы. Однако многие из наиболее важных последствий церковного и государственного вмешательства были непреднамеренными и косвенными... Даже если... сопротивление было успешным и культуры сохранялись... часто имели место важные социальные и культурные трансформации» [9. С. 8, 9]. Чтобы проследить обозначенные выше процессы (влияние миссии и государственной политики, столкновения общин, принадлежащих к разным конфессиям), необходим анализ того, как на повседневном уровне жизни религиозных общин осуществлялась государственная и церковная политика, какой была реакция общин на них, региональный контекст религиозных традиций [Там же].

Статья одного из редакторов сборника Р. Джераси «За границу или в Россию? Православные миссионеры в казахской степи. 1881–1917» является одной из наиболее соответствующих обозначенной выше программе [9. С. 274–310]. Автор обращается к теме православной миссии конца XIX – начала XX в. у казахов на территориях, приграничных с Центральной Азией, где существовала угроза политического отпадения местного мусульманского населения. Он рассматривает деятельность миссии в контексте таких факторов, как теория и практика российской миссии в XIX в., государственная политика по отношению к миссии, широкая миграция из Европейской России в Сибирь и Центральную Азию. Однако автор, отмечая существование разницы между государственной и церковной политикой, сводит православие к русской религии, при этом демонстрируя незнание отличительных его черт, таких, например, как традиции переводов на местные языки, объясняя это европейским влиянием [9. С. 276, 277, 310]. Православие он рассматривает как часть русского национально-имперского проекта, получившего выражение в теории официальной народности (1830-е – 1917 г.), как ее первостепенную основу, определявшую также русскую идентичность. Следовательно, принятие православия в качестве реальной, а не номинальной идентичности должно было способствовать принятию остальных сторон идентичности. Таким образом, миссия способствовала «трансформации прежних иноземцев в русских» [9. С. 279].

Между тем автор отмечает, что привлечение к рассмотрению проблемы вышеупомянутых факторов показывает разрыв между идеалами теории и ее практической реализацией, что наиболее рельефно отражает ситуацию в приграничной зоне. Он показывает амбивалентность государственной политики по отношению к миссии среди мусульман в зоне, приграничной с Центральной Азией, где существовала проблема политиче-

ского отсоединения местного населения. И обращает внимание на то, что понятие единства «русского народа» при столкновении миссионеров с русскими мигрантами оказывалось «идеалом, а не реальностью» [9. С. 310], отмечая неопределенность идентичности русских и украинских мигрантов, казаков в приграничном районе по сравнению с местами их традиционного проживания. Автор показывает существование разных направлений в теории и практике русской миссии XIX в., связанных с именами Макария (Глухарева), Н.И. Ильминского, Е.А. Малова. Однако все они, по мнению Р. Джераси, вписывались в доктрину официальной народности. Вместе с тем, как отмечает исследователь, большое число сотрудников рассматриваемой миссии (многие из которых были нерусского происхождения) прошли миссионерскую подготовку в Казани, в том числе в учительской семинарии, созданной Н.И. Ильминским. Особенностью образования в последней было сохранение национальной идентичности: миссионеры «в большинстве случаев продолжали идентифицировать себя как другие, чем русские» [8. С. 286]. Участие в миссии представителей национальных меньшинств разрушает образ единой русской православной этничности, «враждебной к культурному многообразию» [8. С. 310].

Рассмотрение вышеозначенных факторов отдельно позволило реализовать обозначенную выше программу. В качестве основного источника Джераси привлек миссионерские нарративы, автором которых был миссионер инородческого происхождения, что позволило взглянуть на ситуацию глазами образованного православного инородца, отражавшего день за днем в дневниках свое восприятие миссионерской деятельности. По мнению Р. Джераси, противоречие между миссионерской деятельностью по обращению в русскую веру, которая способствовала русификации, и собственной национальной идентичностью («с русской биркой») создавало трудности для миссионеров из национальных меньшинств. Статья Р. Джераси показывает значение факторов контекста деятельности миссии. В частности, выявляет роль

казанского центра по подготовке миссионеров, имевшего общероссийское значение, в привлечении в миссионеры инородцев, множественная идентичность которых была одним из путей трансформации религиозных меньшинств. Вместе с тем, несмотря на стройную схему Р. Джераси и русификаторскую риторичку Н. Ильминского [13. С. 153], возникает вопрос: возможно ли было русифицировать через обращение в православие народ, который приобрел православную самоидентификацию на языке собственной этничности?

Итак, актуализация в 1970-е гг. проблемы многообразия культурных форм восприятия христианства, ставшей особенным вызовом для зарубежной историографии, привела к пересмотру подходов к изучению вопросов религиозного обращения. Для понимания процессов обращения было предложено отказаться от односложных «линейных» моделей религиозной эволюции и обусловленной ими теории обращения, бинарной упрощенной модели категорий мировых и традиционных религий, а также ряда стереотипов, связанных с ней, таких как отождествление христианства и европейской цивилизации, отождествление этнической самобытности и традиционного религиозного сознания. Исследователи предлагают вернуться к пониманию христианства как одной из мировых религий, ключевой особенностью которых они называют способность к воспроизведению (трансляции) в разных культурах и разных эпохах.

При этом наиболее соответствует сложности предмета привлечение междисциплинарного подхода, который подразумевает рассмотрение религиозного обращения во взаимодействии индивидуальных и социальных процессов. При изучении проблем миссионерской деятельности в Российской империи ученые отмечают необходимость разграничить государственную и церковную политику по отношению к миссии, рассматривать процессы во взаимодействии государства, церкви и религиозных общин.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Conversion to World Religions: Historical and Ethnographic Interpretations».

² Здесь мы сталкиваемся с разницей между католической и православной традициями: «Православие развивало именно национальный аспект Церкви в каждом народе» [8. С. 255]. Р. Хэфнер отталкивался от проблем католической традиции. Для консультаций при работе над сборником он привлекал миссиологов методистской теологической школы Бостонского университета [6. С. VII].

³ Вероятно, речь идет о восприятии тем или иным народом христианства. См. прим. 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанова М.В. И. Вениаминов как этнограф // Тр. Новая серия. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 2. С. 294–314.
2. Хорина В.В. О роли православного духовенства в изучении Енисейской губернии (последняя четверть XIX – начало XX в.) // Вестник ТГПУ. 2012. № 3. С. 30–35.
3. Вдовин И. Предисловие // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1979. С. 3–11.
4. Кононенко В.А. Христианизация малых народов Северо-Западной Сибири в конце XIX–XX вв. // Уч. записки, Тр. / Ленинградский гос. пед. ин-т. Л., 1972. Т. 524. Вып. 1. С. 77–85.
5. *Conversion to Christianity: historical and anthropological perspective on a great transformation* / ed. by Robert W. Hefner. University of California, 1993. URL: <http://books.google.ru/books?id=pF11UGuuvMoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
6. *Hefner R.W. Introduction: World Building and the Rationality of Conversion / Conversion to Christianity: historical and anthropological perspective on a great transformation* / ed. by Robert W. Hefner. University of California, 1993. С. 3–46.
7. *Ethiopia and the Missions. Historical and Anthropological Insights* / edit. V. Böll et al. LIT Verlag Münster, 2005. 243 p. URL: http://books.google.de/books?id=R3gDX2OolioC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false
8. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной Церкви. Переяславль: Изд-во Бр-ва во имя св. блгв. Князя Александра Невского, 1996. 656 с.
9. *Of religion and empire: missions, conversion, and tolerance in Tsarist Russia* / ed. by R. Geracy and M. Khodarkovsky. Cornell University Press, 2001. 356 p.
10. Лем С. Сумма технологий. URL: <http://lib.ru/LEM/summa/summgl1.htm>
11. Freeze G.L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia Reconsidered // The Journal of Ecclesiastical History. Vol. 36. Is. 01. January 1985. P. 82–102. URL: http://journals.cambridge.org/abstract_S0022046900023964

12. Waldron P. *Religious Toleration in Late Imperial Russia // Civil Rights in Imperial Russia* / ed. by O. Crisp and L. Edmondson. Oxford, 1989. P. 103–119.
 13. Ильминский Н.И. Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань : Изд-во редакции Прав. собеседника, 1895. 414 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 13 мая 2014 г.

ON THE STUDY PROBLEM OF CHRISTIAN MISSIONS TO THE INDIGENOUS PEOPLES IN MODERN FOREIGN HISTORIOGRAPHY

Tomsk State University Journal. No. 383 (2014), 133-137. DOI: 10.17223/15617793/383/20

Fendel Elena R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: efendel@yandex.ru

Keywords: Christianity; religious conversion; aboriginal peoples; orthodox missions; Siberia; foreign historiography; 19th century.

At the beginning of the 1990s the researchers received new resources that were aside because of the ideology reasons. We can find missionary narratives that were written at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries among them. They are rich in hard-to-get ethnography data. So a study boom might have been expected but there was none. There are two explanations. On the one hand, missionary narratives are situated in different archives across Russia. On the other hand, the Soviet ideology continues to influence and to frame study questions. But Marxist methodology analyses macro-socio-economic processes. Thus an individual perception of the conversion to Christianity, deep psychological mission methods of the second half of the 19th century, the everyday life cycle are aside. Whereas in the 1970s the subject of aboriginal peoples conversion to world religions was actualized in world scientific discourse (both Soviet and foreign, but the Soviet was not developed). Research people paid attention to cultural form diversity of perception of conversion. Cultural diversity of Christian church life became a particular challenge to foreign historiography. As opposed to the Russian study tradition the foreign scientific discourse includes theological schools and researching of modern processes of conversion to Christianity in developing countries. National diversity of newborn communities became a real challenge to the monolithic Catholic tradition which needed to be comprehended and gave rise to the world research "Conversion to World Religions: Historical and Ethnographic Interpretations" (1988). Collected articles were published after discussion. The researchers offered a number of measures to understand processes. Its editor R. Hefner generalized them. Among them were: to refuse linear models of religious evolution and conversion theory that was given by the model, the binary simplified model of the world and traditional religions categories and also quite a few stereotypes such as the identification and European civilization, ethnic identity ethnicity and a traditional religion. Researchers offered to return to the understanding of Christianity as one of world religions. They define their key feature as a capability to propagate throughout different cultures and different epochs. Researchers also offered to examine religious conversion interactively with individual and social processes. Application of an interdisciplinary approach is farthest in keeping with psychological, social, culture, historical complexity of phenomena (it concerns examination of the sociocultural dimension). Turning to the study of missionary activity problems in the Russian Empire researchers note that to study them better there is a need to differentiate state and church policies and the mission and to examine processes interactively with state and church policies and religious communities. They remark that "despite the questionable efficacy of conversion efforts, Russian attempts to engineer the religious uniformity of the empire often had profound influences on subject populations. However, many of the most important consequences of church and state intervention were unintended and indirect... Even when such resistance was successful and cultures survived,... important social and cultural transformation often took place". So, to study better different aspects of mission including missionary narratives it is necessary to refuse from linear religious evolution models and conversion theory and stereotypes that were created by the models, to use an interdisciplinary approach that takes into account all phenomena levels.

REFERENCES

- Stepanova M.V. I. Veniaminov kak etnograf [I. Veniaminov as an ethnographer]. *Trudy Novaya seriya*, 1947, vol. 2, pp. 294-314.
- Khorina V.V. About the role of the Orthodox clergy in the study of the Yenisei Province (last quarter of the 19th – beginning of the 20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2012, no. 3, pp. 30-35. (In Russian).
- Vdovin I. *Predislovie* [Introduction]. In: *Khristianstvo i lamaizm u korennoy naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Christianity and Lamaism of the indigenous population of Siberia (the second half of 19th – beginning of 20th centuries)]. Leningrad: Nauka Publ., 1979, pp. 3-11.
- Kononenko V.A. Khristianizatsiya malykh narodov Severo-Zapadnoy Sibiri v kontse XIX-XX v. [The Christianization of the small peoples of the North-Western Siberia in late 19th-20th centuries]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 1972, vol. 524, issue 1, pp. 77-85.
- Hefner R.W. (ed.) *Conversion to Christianity: historical and anthropological perspective on a great transformation*. University of California, 1993. Available at: <http://books.google.ru/books?id=pF11UGuuvMoC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Hefner R.W. *Introduction: World Building and the Rationality of Conversion*. In: Hefner R.W. (ed.) *Conversion to Christianity: historical and anthropological perspective on a great transformation*. University of California, 1993, pp. 3-46.
- Böll V. et al. (eds.) *Ethiopia and the Missions. Historical and Anthropological Insights*. LIT Verlag Münster, 2005. 243 p. Available at: http://books.google.de/books?id=R3gDX2OolioC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false.
- Uspenskiy L. A. *Bogoslovie ikony Pravoslavnoy Tserkvi* [Theology of Orthodox Church Icons]. Pereyaslavl: Izd-vo Br-va vo imya sv. blgv. Knyazya Aleksandra Nevskogo Publ., 1996. 656 p.
- Geracy R., Khodarkovsky M. (eds.) *Of religion and empire: missions, conversion, and tolerance in Tsarist Russia*. Cornell University Press, 2001. 356 p.
- Lem S. *Summa tekhnologiy* [Sum of technologies]. Available at: <http://lib.ru/LEM/summa/summg11.htm>.
- Freeze G.L. Handmaiden of the state? The Church in Imperial Russia Reconsidered. *The Journal of Ecclesiastical History*, 1985, vol. 36, issue 01, pp. 82-102. Available at: http://journals.cambridge.org/abstract_S0022046900023964.
- Waldron P. *Religious Toleration in Late Imperial Russia*. In: Crisp O., Edmondson L. (eds.). *Civil Rights in Imperial Russia*. Oxford, 1989, pp. 103-119.
- Ilminskiy N.I. *Pis'ma Nikolaya Ivanovicha Il'minskogo* [Letters of Nikolai Ilminsky]. Kazan: Izd-vo redaktsii Prav. Sobesednika Publ., 1895. 414 p.

Received: May 13, 2014